

Серёжка блаженный

Я каждый день из года в год прохожу через родной двор, в котором прошло моё детство, и думаю: «Всё меняется, и давным-давно демонтировали символы моего любимого двора». Когда-то здесь был деревянный теннисный стол. Странно, но мы практически не использовали его по назначению. Благодаря нашей бурной детской фантазии он превращался то шалаш, то прилавок для продажи подорожников и одуванчиков. Со временем у него начали гнить и отваливаться доски, и его убрали. Другой символ нашего двора – карусель-тарелка. Эта экстремалка, одной стороной обнимающая землю, а другой устремлённая в небо, заставила нас придумать незатейливую игру. Животами мы ложились на металлический корпус, ногами упираясь в основание, а головы опуская к земле. Под тарелкой мы раскидывали свои сандалии. Ведущий раскручивал карусель, а все остальные в полёте собирали обувь. Сложность была как раз в том, что человек, находящийся на взлёте тарелки, не мог своими маленькими тонкими, как верёвочки, ручонками собрать обувь, и ему приходилось наполовину своего роста вытягиваться из тарелки. Такие эксперименты могли закончиться очень плачевно, поэтому взрослые, видя наши игры, обычно ругали нас. Но, к счастью, удачно падая, мы отделялись только испугом и ушибами. И только спустя годы я понимаю, что эту игрушку надо было снести ещё во время моего детства. Третьим символом нашего двора был Серёжка блаженный.

Серёжа родился в полноценной здоровой семье с любящими родителями. Долгожданный первенец, первенец-инвалид. Шли годы, а его скрюченные ручки и ножки так и не разгибались, полудетский голос так и продолжал воспроизводить странные, непонятные звуки, на лице так и оставалась то ли блаженная улыбка, то ли измученная гримаса. После Серёжки в семье родились ещё три девочки и мальчик – абсолютно здоровые дети. Незадолго до рождения пятого ребёнка глава семейства умер, и беременная женщина осталась на руках с четырьмя детьми. Что самое удивительное: Серёжку не сдавали ни в какой интернат для инвалидов, и этот больной ребёнок рос у всех соседей на глазах. Серёжка лет на шесть старше меня, я помню его столько, сколько знаю свой двор, поэтому он тоже волей-неволей стал частью моего детства.

Говорят, что дети - самый сострадательный и самый жестокий народ. Ребёнок, видя несчастную птичку или кошечку, может пожалеть её, начать за ней ухаживать и оберегать от всех. А вот к несчастным, обделённым судьбой людям ребёнок может проявлять небывалую жестокость: подшучивать, обзывать, доводить до истерики. И, к своему стыду признаюсь, были в нашем дворе безумные старики, которых мы называли кощелями и бабками-ёшками, любили, когда они в припадке бегут за нами по всему двору. Но Серёжку я не помню, чтобы кто-то когда-то обижал. Для всех нас он был большим несчастным ребёнком, который хотел смеяться, но не умел, хотел с нами играть, но не мог долго ходить. Когда я была маленькой девочкой, почему-то меня мучило жгучее любопытство: как же он родился таким? Что его ждёт в будущем? Сколько лет он проживёт на этом свете? И когда во время очередной прогулки Серёжка, сидя на лавочке с бабушками-соседками или со своей сердобольной мамой, подолгу следил за играющими во дворе детьми, было интересно, о чём он в этот момент думает, что он чувствует, и вообще способен ли он думать и чувствовать.

Как-то летом, в один тёплый тихий вечер он вышел со своей младшей сестрёнкой Олей, белокурой миленькой девочкой лет пяти, с двумя парами лыж. Несколько минут они тщетно пытались прокатиться по траве. Почему-то в тот момент казалось, что Оля специально издевается над братом, превращая его в посмешище. Но в ответ на наши расспросы она говорила, что Серёжка давно мечтает покататься на лыжах, и она единственная из родных, согласившая исполнить его просьбу.

Взрослели дети. Со временем Оля превратилась в симпатичную девушку, вышла замуж и покинула отчий дом. У старшей сестры Лены тоже неплохо сложилась судьба: она окончила музыкальное училище, вышла замуж и стала мамой двух ребятешек. Вот только средний Сашка, мой ровесник, как-то заплутал на дорогах судьбы, был судим.

Мои друзья и подружки, да и просто соседские мальчишки и девчонки тоже выросли. По-разному. Более успешные и талантливые ребята уезжали покорять столицу, менее – оставались в родном городе, оканчивая колледжи и техникумы, рано обзаводясь семьями. Были и те, кто подавал в детстве и юности большие надежды, но так их и не оправдал. Безумная волна 90-х нескольких моих знакомых ребят превратила в наркоманов и наркодельцов. Один, крутой симпатичный мальчишка, затерялся в тюрьмах, другой, пухлый добрый мальчик, превратился в «бывшего наркомана» с каким-то туманным потерянным взглядом, третий, общительный весёлый спортсмен, умер от СПИДа. И только наш Серёжка блаженный оставался прежним, с чистой, никем и ни чем не запятнанной детской душой. Он одиноко ходил по двору, таща за собой сломанную машинку без кузова, подбирая за всеми вдруг повзрослевшими детьми их любимые игрушки. И, как мы всегда жалели его, казалось, сейчас он жалел наше сломанное, разбитое, никому не нужное детство. Иногда он останавливался посреди двора, близоруко и беспомощно ища глазами детей...

Говорят, что больных детей Бог даёт в наказание, для испытания. А я в последнее время думаю о том, что такие больные дети, как Серёжка – это дар. В здоровом человеке всегда живут ангелы и черти, и борются за душу, испытывая, искушая. А Серёжку все зло и беды, что есть в этом мире, обходят стороной. Он сам словно ангел, не способный ни одному земному существу сделать что-то плохое. И потом рядом с Серёжкой вспоминаешь, что иногда нужно сбрасывать этот защитный панцирь, с годами обволакивающий твоё сердце, и снова посмотреть на мир светлыми глазами ребёнка.

Однажды я случайно вспомнила, что Серёжку не встречала уже несколько лет. Что же с ним стало? Жив ли он?

И, к своему удивлению, я совсем недавно увидела его на скамейке возле дома. Странно, я впервые испытала не любопытство к нему, как в моём детстве, не щемящую грусть, как юности, а тихую спокойную радость. За это время Серёжка тоже повзрослел, из большого блаженного ребёнка превратившись в милого блаженного старичка. Поглубевшие с годами черты лица, редкая растительность, глубокие морщины. Но изменился он не только внешне. С ним больше нет ни одной игрушки, и, кажется, он больше не пытается в каждом прохожем разглядеть ребёнка. Его мама, тётя Люда, как в нашем далёком детстве, с терпеливостью мученицы и глубоко верующего человека тихо что-то говорит ему.

Серёжка снова глядит в глубь двора, рассматривая новые яркие детские городки, машины, так прочно обосновавшиеся возле нашего дома, современный большой супермаркет, взрослых, равнодушно спешащих по своим делам. Возможно, и во мне он не

узнаёт той девочки, что когда-то играла во дворе с его сёстрами и соседками. А вдруг он всё-таки умеет думать и чувствовать по-своему? Вдруг он видит совсем не этот двор, а тот наш, прежний, где бабушки обычно сидели на лавочках и говорили, привезли ли сегодня арбузы и в какое время лучше идти за свежим хлебом; где дедушки, как птицы собираясь в небольшие стайки, азартно играли в домино и резко выкрикивали: «Рыба»; где ребятня на пустых, практически не тронутых автомобилями дорогах, допоздна играла в вышибалы и городки; где мы сломя голову бежали на стройку возле нашего дома, пытаясь угадать, что же в итоге это будет: ресторан или магазин?

Мягкий луч тёплого летнего солнца скользит по лицу Серёжки, и теперь спустя годы мне видится не гримаса больного человека, а грустная улыбка то ли ничего не понимающего ребёнка, то ли всё знающего о жизни мудреца.